

УДК 930.2/902

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.325.331>

**ПИСЬМО А.С. БАШКИРОВА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ
АКАДЕМЦЕНТРА ТАТНАРКОМПРОСА С.С. АТНАГУЛОВУ
ИЗ БИЛЯРА 21 ИЮНЯ 1929 Г.**

© 2024 г. Х.М. Абдуллин

Впервые публикуется текст письма Алексея Степановича Башкирова (1885-1963), специалиста по древней и средневековой истории и архитектуре, археолога, написанное председателю Академцентра Татнаркомпроса ТАССР С.С. Атнагулову из Биляра 21 июня 1929 г. Письмо является важным источником характеризующим процесс организации и проведения археологических исследований на Билярском городище в 1928-1929 гг. Здесь впервые А.С. Башкиров пишет о своем тюркском происхождении и сложностях во взаимоотношении с чиновниками от науки. Источник помогает понять дух эпохи, в которой жил и творил ученый, а также его взгляды, которые через несколько лет послужат основанием для репрессий в период сталинского террора.

Ключевые слова: А.С. Башкиров, Биляр, экспедиция, археология, письмо, С.С. Атнагулов.

**LETTER FROM A.S. BASHKIROV TO THE CHAIRMAN
OF THE ACADEMIC CENTER OF PEOPLE'S COMMISSARIAT
FOR EDUCATION S.S. ATNAGULOV FROM BILYAR ON JUNE 21, 1929**

Kh.M. Abdullin

For the first time, a letter by Aleksei Stepanovich Bashkirov (1885-1963), a specialist in ancient and medieval history and architecture, an archaeologist, written to the chairman of the Academic Center of TASSR People's Commissariat for Education S.S. Atnagulov from Bilyar on June 21, 1929, is published. The letter is an important source describing the process of organization and conducting archaeological research at the Bilyar settlement in 1928-1929. Here for the first time A.S. Bashkirov writes about his Turkic origin and difficulties in dealing with officials from science. The source helps to understand the spirit of the era in which the scientist lived and worked, as well as his views, which in a few years would serve as the basis for repression during the Stalinist terror.

Keywords: A.S. Bashkirov, Bilyar, expedition, archaeology, letter, S.S. Atnagulov.

Письмо видного советского археолога Алексея Степановича Башкирова к председателю Академического центра Народного комиссариата просвещения ТАССР Салахетдину Садриевичу Атнагулову¹ было обнаружено среди документов, отложившихся в фонде № Р447 «Общества изучения Татарстана» (1925–1930) Государственного архива Республики Татарстан (ГА РТ). Адресат в заголовке не указан, однако в тексте есть прямое к нему обращение: «Вед[ь], тов[арищ] Атнагулов, за Москвой остаются расходы и часть исследования памятников Булгаро-Тат[арской] культуры». Документ подписан А.С. Башкировым с указанием места написания «Биляр» и даты: 21 июня 1929 года. Письмо написано карандашом на писчей бумаге, мелким почерком, на трех листах с оборотами.

В своем обращении ученый даёт краткое видение изучения Биляра и болгарской культуры

в прошлом, укоряя археологов периода Российской империи в том, что они «раскапывали места поселений каменного периода или того населения края, которое вымерло без остатка», а вот историей здравствующих народов не занимались. В этом он видел правительственную политику, впрочем, отдавая должное и старым научным кадрам в проведенных археологических исследованиях: «много полезного для науки, но далекого от современности нашей сделали старые археологи Казани».

Сенсационным в письме выглядит его откровение о своем тюркском происхождении: «Я со студенческой скамьи, как уроженец Татреспублики и как тюрк по отцу, интересовался объединенной Булгаро-Татарской культурой». Ни в одной из его официальных биографий этот факт никак не упоминается (Пятышева, 1963; Винокуров, 2016;

Кузьминых, Белозерова, 2017; Данилов, 2019; Непомнящий, 2019; Сташенков, 2021; Маммаев, 2023). Конечно, исходя из его фамилии такой вопрос можно было бы поставить чисто гипотетически, но мало ли в нашей стране людей с фамилией Башкиров, Чувашов, Мишарин, Татарский или Турчанинов? В этой связи интересно было бы провести исследование о его отце – сельском учителе Степане Башкирове, тем более что в письме он сообщает о нем довольно интересные подробности: *«В борьбе с казанскими миссионерами и русификаторами умер мой отец на посту сельского учителя. Его могила хорошо известна крестьянам Нижнего Услона, и на старом заброшенном кладбище она одна осталась под защитой крестьянской общины и сельсовета».*

В письме Алексей Степанович повествует о своем пути в болгаро-татарскую археологию в 1918–1919 гг., подготовленной книге «Памятники болгаро-татарской культуры на Волге» и конфликте по этому поводу с председателем Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ОАИЭ) Бруно Адлером², правда, не раскрывая сути его претензий. Сообщает, что, по его замыслу, вышедшая книга была лишь первой частью исследований и вторая тоже уже была приготовлена к изданию.

Археологические исследования «*болгарских мест*» в 1928 г. А.С. Башкиров называет самыми масштабными в истории Казани и подчеркивает, что в них *«все работники Казани принимали деятельное участие».* В то же время со свойственной ему прямоотой Алексей Степанович отмечает и трудности, которые возникли в работе, называя их *«скрытыми склоками».* Если в Казани таковые он видел в старом, сохранившемся еще с дореволюционных времен ОАИЭ, называя их *«русификаторами»*, то в центре для него в подобной роли выступали *«доброжелатели» чиновники от Главнауки*, *«попридержавшие»* выдачу открытого листа на проведение раскопок в 1928 году. Опять же со свойственной ему прямоотой А.С. Башкиров признается, что нарушил формальности и провел исследования без разрешительных документов, *«надеясь на то, что меня как победителя судить не будут, а Татарская республика меня поддержит пред Главнаукой Р.С.Ф.С.Р., которая одной рукой отпустила деньги, а другой держала за*

шиворот, не выдавая (через своих чиновников) отк[рытого] листа». Работы 1928 г. под руководством Алексея Степановича в итоге были одобрены в Казани, Москве и Ленинграде.

В 1929 г. история повторилась. А.С. Башкиров подает заявку на получение Открытого листа на раскопки в Биляре через Институт народов Востока. Его заверяют, что по получении листа он немедленно будет выслан в Музейный отдел Академцентра, однако по прошествии более трех недель вопрос с листом так и не нашел своего решения. Собственно, все письмо, так или иначе, строится вокруг проблемы получения Открытого листа исследователем. Республиканские научные власти по прошествии значительного времени и отсутствии решения этого вопроса присылают к ждущему в Биляре А.С. Башкирову отношение, затем просят вернуть часть денег, выделенных на экспедицию. Ответом на эти действия и явилось данное письмо.

Его ценность заключается и в том, что Алексей Степанович подробно, по пунктно описывает ход подготовки экспедиции, свои встречи и переговоры в Казани, перечисляет казанских исследователей, как связанных с археологией, так и конкретно этой экспедицией: *«больной Егерев, Корнилов, Р. Тагиров, Калинин, Вараксина, Акчурина»*, З.Тагиров, Гафаров, Сементовский, Али-Рахим. Дает финансовые расклады проведения экспедиции с обозначением расходов центральных организаций, которые А.С. Башкиров по-простому именуется *«Москва».*

В письме импонирует прямолинейная открытость и решительность ученого в желании выполнить поставленные задачи: *«Я не могу допустить, ч[то] бы не был дан мне Откр[ытый] лист. Он должен быть и будет, т[ак] к[ак] работа прошлого года вполне удовлетворительна и нет повода к отказу в работе настоящего года. Здесь не увязка во времени и на основании формальных требований нельзя разрушать дело по существу».* Или *«Оставленный в одиночестве здесь в Биляре сотрудниками экспедиции, ч[то] считаю по меньшей мере странным[,] я обратился за помощью к местным краеведам, которые с увлечением вошли в работу и работа намеченная не будет сорвана[,] будет выполнена с честью не за страх, а за совесть и я докажу, ч[то] я не работник центра, а работник ВАИИ, как Вы говорили».*

В то же время, зная дальнейшую печальную биографию А.С. Башкирова, впрочем, характерную для многих советских ученых 20–30-х гг. XX века (Жанбосинова, 2023, с. 417–437), эта же его прямолинейность, особенно в национальном вопросе, приведет к печальным последствиям. Известный исследователь биографии Алексея Степановича Н.И. Винокуров в своей статье отмечает, что ученый был арестован 8 января 1935 г. по обвинению в создании контрреволюционной националистической группы и контрреволюционной деятельности. Группе «группа Башкирова, Бороздина, Захарова» вменялись агитация и пропаганда против советской власти, шовинизм и национализм. А.С. Башкирову отдельно еще и пантюркизм, за связи с археологами Крыма и Поволжья (Винокуров, 2016, с. 109–111).

Думается, что материал по этому поводу органами был накоплен значительный. Прямолинейность Алексея Степановича наверняка была не только в этом письме, но даже и этого одного письма хватило бы для целого «букета» обвинений в тот период. Вот только некоторые его «крамольные» мысли, навсегда оставшиеся на бумаге: «...я местный уроженец, давно зарыт в изучение прошлого Т[атарской] Р[еспублики] и я не позволю злобствующим русификаторам срывать работу, хотя бы и по самым формальным основаниям. Я не могу согласиться и с тем, ч[то] Ваши организации[,] работающие за счет Т[атарской] Р[еспублики], расклавивались пред органами центра[,] хотя бы и почтенными. Т[атарская] Р[еспублика] входит в РСФСР[,] она согласует действия с центром, но, мне думается, должна иметь

и свой достаточно веский голос. Чиновники центра не смогут меня опорочить, т[ак] к[ак] я работаю на археологической дороге 20 лет, и имею выучку не доморощенных археологов, а и западноевропейских».

Однако, несмотря на признательные показания А.С. Башкирова и три проведенных заседания суда, каким-то чудом 9 августа 1937 г. уголовное дело в их отношении было отложено и больше не возобновлялось. 14 сентября 1937 г. А.С. Башкиров и двое его коллег были сосланы на три года в Казахстан. Алексею Степановичу повезло: он продолжил в дальнейшем преподавательскую и исследовательскую работу. А вот адресату его письма, Салаху Атнагулову, – нет, в 1936 г. он был арестован, обвинён в связях с троцкистами и расстрелян.

Работы 1929 г. в Биляре всё же были выполнены: продолжена топографическая съемка городища (подробно были занесены на план 1928 г. средний и дальний вал и находящиеся между ними холмы от древних сооружений), были обнаружены два крупных кирпичных сооружения из дотатарского кирпича, изучались каменоломни Биляра около так называемого «Серебряного ключа». Кроме того, экспедиция провела работы на городище Джукетау и в Болгарах (Абдуллин, Бочаров, Ситдииков, 2016, с. 16–17).

Письмо А.С. Башкирова председателю Академцентра Татнаркомпроса ТАССР С.С. Атнагулову из Биляра, датированное 21 июня 1929 г., является важным источником по истории археологии региона, раскрывающим как многие общие вопросы, так личные взгляды автора.

Примечания:

¹ Атнагулов Салахетдин (Салах) Садреевич (1893–1938) – политический деятель, публицист, писатель. Окончил медресе «Галия». До 1917 года преподавал в медресе деревни Азеево Тамбовской губернии. После Февральской революции 1917 года занялся политической деятельностью, поддерживал платформу татарских левых эсеров и находился в оппозиции к Временному правительству. Депутат Миллэт Меджлиси (1917–1918 годы). Член и главный секретарь Коллегии по осуществлению Урало-Волжского Штата. В 1918–1919 годах член Военной коллегии Татаро-Башкирского комиссариата, редактор газеты «Кызыл Яу» – органа политотдела 5-й армии Восточного фронта, военный инструктор Центрального бюро народов Востока при Центральном Комитете Российской коммунистической партии (большевиков), редактор газеты «Кызыл Армия». С 1920 года в Наркомате просвещения ТАССР (с перерывом, в 1921–1922 годах редактор газеты «Эшче» в Москве, в 1925–1927 годах редактор газеты «Кызыл Татарстан»). В 1927–1929 годах председатель Академцентра. Был сторонником перевода татарского алфавита с арабской графики на латиницу – яналиф. С начала 1930-х годов на научной и педагогической работе (до 1935 года). Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

² Адлер Бруно Фридрихович (Бруно Вильгельм Карл Адольф Адлер) (1874–1942) – российский и советский географ, этнограф, антрополог, музеевед, общественный деятель. Основатель казанской этнографической школы.

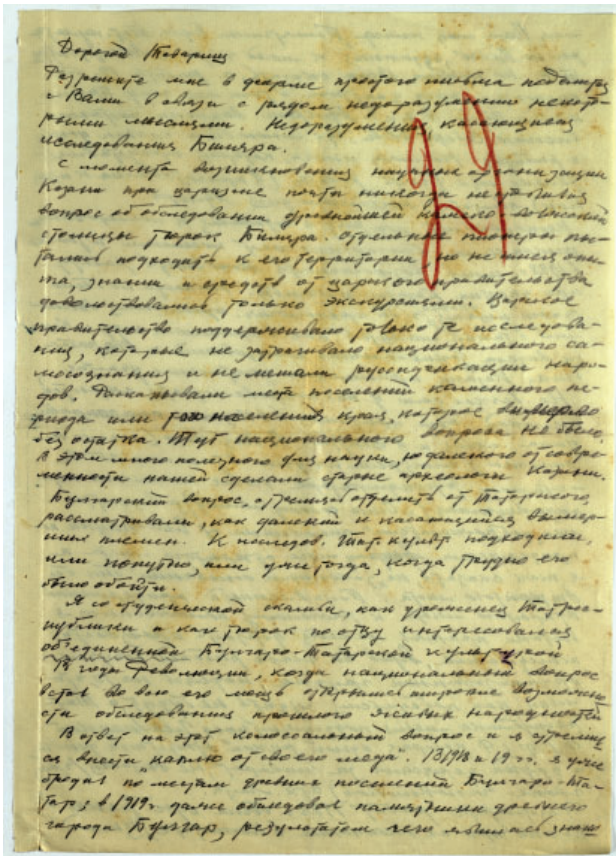

Рис. 1. Первый лист письма А.С. Башкирова. Государственный архив Республики Татарстан. Фонд Р-447. Описание 1. Дело 40. Лист 29.

Fig. 1. The first page of A.S. Bashkirov's letter. The State Archive of the Republic of Tatarstan. Coll. R-447. Aids 1. Folder 40. Page 29.

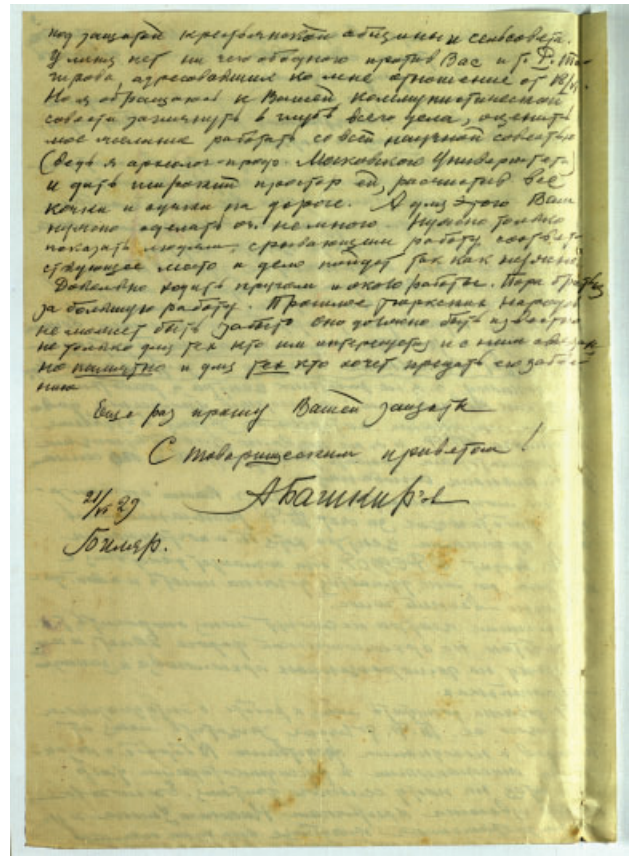

Рис. 2. Последний лист письма А.С. Башкирова. Государственный архив Республики Татарстан. Фонд Р-447. Описание 1. Дело 40. Лист 31 оборотный.

Fig. 2. The last page of A.S. Bashkirov's letter. The State Archive of the Republic of Tatarstan. Coll. R-447. Aids 1. Folder 40. Page 31, back.

Текст письма

Дорогой Товарищ

Разрешите мне в форме простого письма поделиться с Вами в связи с рядом недоразумений некоторыми мыслями. Недоразумения, касающиеся исследования Биляра.

С момента возникновения научных организаций Казани при царизме почти никогда не ставился вопрос об обследовании древнейшей камско-волжской столицы тюрок Биляра. Отдельные пионеры пытались подходить к его территории, но не имея опыта, знаний и средств от царского правительства довольствовались только экскурсиями. Царское правительство поддерживало только те исследования, которые не затрагивало национального самосознания и не мешали русификации народов. Раскапывали места поселений каменного периода или того населения края, которое вымерло без остатка. Тут национального вопроса не было. В этом много полезного для науки, но далекого от современности нашей сделали старые археологи Казани. Булгарский вопрос, стремясь отделить от Татарского, рассматривали, как далекий и касающийся вымерших племен. К исследов[анию] Тат[арской] культ[уры] подходили или попутно, или уже тогда, когда трудно его было обойти.

Я со студенческой скамьи, как уроженец Татарской Республики и как тюрк по отцу интересовался объединенной Булгаро-Татарской культурой. В годы Революции, когда национальный вопрос встал во всю его мощь открылись широкие возможности обследования прошлого живых народностей.

В ответ на этот колоссальный вопрос и стремился внести «каплю от своего меда». В 1918 и 19 гг. я уже бродил по местам древних поселений Булгаро-Татар; в 1919 г. даже обследовал памятники древнего города Булгар, результатом чего явилась знакомая Вам моя книга «Памятники Булг.-Тат. культуры на Волге», изданная к моей чести и Акадцентром Т.Р. Но нужно Вам сказать, ч[то] работа 19 б[ыл]а опорочена пред центром в том же году Председателем Об-ва А.И.иЭ. Адлером вопреки постановлению

Совета Об-ва, где мною был сделан доклад о работах. Но моя книга, которая представляет только еще I часть работы (II приготовлена к изданию) является клеймом для Адлера.

Несколько лет подряд я готовился к исследованию раскопками болгарских мест[,] поселений и только в 1928 г. имел возможность выполнить работу при участии Казани и Москвы. Никогда не было такого случая в Казани, ч[то]бы археологич[еские] изыскания выливались в такой масштаб, как в прошлом году и Казань не видела таких больших исследований и все работники Казани принимали деятельное участие.

Но всякое дело у нас сопровождается скрытой склокой: она притаилась в Казани[,] она сопровождала меня и в центре. В Каз[ани] косо (мягко выражаясь) смотрели на дело в том же Об[щест]ве – старом руссификаторе, ныне несколько переродившемся («Сила солону ломит»), а в центре мои «доброжелатели» чиновники от Главнауки попридержали выдачу мне открытого листа и я так сказать, на «законном основании» был без открытого листа. Поставленный придержкой открытого листа к тяжелому положению я все[-]таки принял на себя дерзость произвести исследование, встав во главе рабочей научно-организованной группы, надеясь на то, что меня, как победителя судить не будут, а Татарская Республика меня поддержит пред Главнаукой Р.С.Ф.С.Р., которая одной рукой отпустила деньги, а другой держала за шиворот, не выдавая (через своих чиновников) отк[рытого] листа.

Результаты работ 1928 г. были одобрены в Казани 1) при их окончании в Комитете; 2) зимой на Съезде Об. А.И.Э. по докладу в собрании специалистов в связи с устроенной выставкой;

3) в Ин[ститу]те народов Востока РАНИОН;

4) в соединенном Заседании Моск[овской] секции Академии истории Матер[иальной] Культуры и Научной Ассоциации Востоковедения,

и 5) в самой названной Академии в Ленинграде.

Одним словом всюду санкции одобрения, благодарности за работы и открытие ценных результатов, а в результате... конфликт и опять история с Открытым листом. Опять задержка в выдаче, а на основании этого и срыв работы. Больше 3х недель прошло, как я подал чрез Ин[ститут] Нар[одов] Вост[ока] заявку на открытый лист. Обещано было немедленно выслать в Ваш Музейный отдел и до сих пор его нет.

Сегодня приехал в Биляр топографический отряд и доставил отношение Дома Тат[арской] Культ[уры] за №694; 18/V [2]9 г. копию его при сем прилагаю....

В Казани, как видимо, произошли какие[-]то соотношения сил[,] направленные против меня и дело тут не только в отк[рытом] листе от центра, а находится где[-]то в недрах Казани.

Я восстановлю все как было в Казани, где все было так хорошо и гладко.

1) Сначала я посетил Вас в Акад[емическом] Цен[тре], где имел с Вами ценную деловую и отзывчиво-приветливую встречу. Помню Вашу фразу: «мы Вас т[оварищ] Башкиров считаем своим работником».

2) Далее в Уз. заседание Комитета: (больной Егеров, Корнилов, Р.Тагиров, Калинин, Вараксина, Акчурина и др.): Рассмотрели план конкретных работ, распределили деньги (на Биляр 750 р.), наметили участников экспедиции (З.Тагиров, Акчурина, Гафаров, Сементовский, Вараксина и м[ожет] б[ыть] еще одного Али-Рахима - последний [неразбочиво]?)

3) Утром без особых затруднений я получил мандат за Вашей подписью, выдал деньги на Акчурина и Гафарова, а также Сементовскому и Вараксинной. Имел свидание с Али-Рахимом, который колебался между Биляром и Кисловодском.

На последнем я не настаивал, т[ак] к[ак] знал и Ваше мнение по этому вопросу[,] тем более, что он говорил о смете в 300 р[ублей]. Пред отъездом от Р.Тагирова я получил записку с пожеланием успеха. Все казанцы напутствовали тем же. По условию я выезжал 13/VI, д[олжен] быть в Биляре 15 (т[ак] к[ак] ехал через Булгары в Биляр), приготовить рабочих, 16/VI приступить к расчистке места раскопок. 16 веч[ером] должны б[ыл]и прибыть Акчурина[,] Тагиров З и Гафаров, а 17 или 18 Сементовский и Вараксина. 17/VI веч[ером] я получил от Р.Тагирова телеграмму о том[,] что приезд сотрудников задерживается и чтобы я выслал 300 р[ублей] телеграфом. Мне последнее показалось ошибкой и думая, ч[то] вместо 300 в оригинале 30 запросил телеграф о точности. Оказалось, ч[то] это не ошибка. Тогда же телеграфировал Корнилову: «почему нет сотрудников, почему Тагиров требует возврата 300»[,] В ответ 19го утр[ом] получаю: «Сементовский выехал, подробности у него[,] открытого листа еще нет». Ночью на 20ое прибыл Сементовский и вручил мне, прилагаемое в копии отношение за подписью Тагирова от Вашего имени.

На это отношение сообщаю следующее:

Я не могу допустить, ч[то] бы не был дан мне Отк[рытый] лист. Он должен быть и будет, т[ак] к[ак] работа прошлого года вполне удовлетворительна и нет повода к отказу в работе настоящего года. Здесь не увязка во времени и на основании формальных требований нельзя разрушать дело по существу.

Возлагать расходы по Биляру на Москву целиком я считаю по существу неправильным. Москва принимает участие в доле, а именно: мое содержание и дорога идут по Москве, З. Тагиров имеет от Москвы 75 р[ублей] и также должен был работать в Биляре без оплаты. Москва снабдила меня материалами (фотогр. чертежные, писчей, рисовальн) и инструментом на 300 р[ублей]. Кажется, 200 + 300 р[ублей] = 500 р[ублей] достаточно для доли участия. Далее Москва, по примеру прошлого года, берется оплатить расходы по обработке материалов (монтаж памятников, чертежи, фотографии, рисунки, доставка материалов в Москву и доставка обратно в подготовленном для Выставки виде. В прошлом году Москве обработка материалов стоила свыше 400 р[ублей]. Я это могу доказать от Ин[ститута] Нар[одов] Вост[ока] документально.

Вед[ь], тов[арищ] Атнагулов, за Москвой остаются расходы и часть исследования памятников Булгаро-Тат[арской] культуры. Роль почетная и интересная.

Для Татареспублики же передаются все материалы. Я передал огромное количество памятников в этом году (зимой) они все смонтированы на планшеты для музейной экспозиции и пока еще лежат на складе Центр[ального] Музея.

Оставленный в одиночестве здесь в Биляре сотрудниками экспедиции, ч[то] считаю по меньшей мере странным[,] я обратился за помощью к местным краеведам, которые с увлечением вошли в работу и работа намеченная не будет сорвана[,] будет выполнена с честью не за страх, а за совесть и я докажу, ч[то] я не работник центра, а работник ВАШ, как Вы говорили; я местный уроженец, давно зарыт в изучение прошлого Т[атарской] Р[еспублики] и я не позволю злобствующим русификаторам срывать работу, хотя бы и по самым формальным основаниям.

Я не могу согласиться и с тем, ч[то] Ваши организации[,] работающие за счет Т[атарской] Р[еспублики] раскланивались пред органами центра[,] хотя бы и почтенными. Т[атарская] Р[еспублика] входит в РСФСР[,] она согласует действия с центром, но, мне думается должна иметь и свой достаточно - веский голос.

Чиновники центра не смогут меня опорочить, т[ак] к[ак] я работаю на археологической дороге 20 лет, и имею выучку не доморожденных археологов, а и западно-европейских.

Т[атарская] Р[еспублика] должна допустить меня к работе с энтузиазмом ведущего ее. Т[атарская] Р[еспублика] должна защитить меня от походов с негодными средствами. В борьбе с казанскими миссионерами и русификаторами умер мой отец на посту сельского учителя. Его могила хорошо известна крестьянам Нижнего Услона и на старом заброшенном кладбище она одна осталась под защитой крестьянской общины и сельсовета. У меня нет ничего обидного против Вас и т[оварища] Р.Тагирова, адресовавших ко мне отношение от 18/VI. Но я обращаюсь к Вашей коммунистической совести заглянуть вглубь всего дела, оценить мое желание работать со всей научной совестью (ведь я археолог-проф[ессор] Московского Университета) и дать широкий простор ей, расчистив все кочки и сучки на дороге. А для этого Вам нужно сделать оч[ень] не много. Нужно только показать людям, срывающим работу, соответствующее место и дело пойдет так как нужно. Довольно ходить кругом и около работы. Пора браться за большую работу. Прошлое тюркских народов не может быть забыто[.] Оно должно быть известно не только для тех[,] кто им интересуется и с ним связан, но памятно и для тех[,] кто хочет предать его забвению.

Еще раз прошу Вашей защиты

С товарищеским приветом!

А Башкиров

21/VI 29

Биляр.

ГА РТ. Ф.Р447. Оп.1. Д.40. Л.29-31об.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллин Х.М., Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г. Экспедиция по изучению татарской культуры в Татарстане в 1924-1929 гг. // МИРАС–НАСЛЕДИЕ. Т. 1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и в Крыму в 1923–1929 годах: в 3-х томах / сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань: Астер Плюс, 2016. С. 16–17.

Винокуров Н.И. Профессор А.С. Башкиров – археолог, историк, преподаватель (штрихи биографии) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Боспорские чтения. Вып. XVII / Ред.-сост.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2016. С. 92–118.

Данилов Е.С. Алексей Степанович Башкиров в Ярославле // РА. 2019. № 1. С. 177–186. DOI 10.31857/S086960630004123-4.

Жанбосинова А.С. Три поколения семьи Алдияровых: микроистория политических репрессий // *Qazaq Historical Review*. 2023. № 1 (3). С. 417–437. DOI 10.69567/3007-0236.2023.3.416.437

Кузьминых С.В., Белозерова И.В. А.С. Башкиров и археология Волжской Булгарии // *Археология Евразийских степей*. 2017. № 1. С. 196–218.

Маммаев М.М. Вклад профессора А.С. Башкирова (1885-1963) в изучение памятников средневекового искусства Дагестана // *История, археология и этнография Кавказа*. 2023. Т. 19, № 3. С. 759–775. DOI 10.32653/CH193759-775

Непомнящий А.А. Алексей Башкиров: поступь ученого в развояющемся кримведении первой трети XX столетия // *Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого): Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. В 2-х частях, Томск, 03–04 октября 2019 года. Часть I / Отв. ред. Д.Н. Шевелев. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2019. С. 160–166. DOI 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/27.*

Пятышева Н.В. А.С. Башкиров [1885–1963. некролог] // *СА*. 1963. № 3. С. 316–317.

Сташенков Д.А. Новые документы о начале научно-педагогической деятельности А.С. Башкирова // *Археология Евразийских степей*. 2021. № 5. С. 153–156. DOI 10.24852/2587-6112.2021.5.153.156

Информация об авторе:

Абдуллин Халим Миннуллович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань, Россия), Xalimabd@mail.ru

REFERENCES

Abdullin, Kh. M., Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. 2016. Bocharov, S. G., Sitdikov, A.G. (eds.). *MIRAS–NASLEDIE. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoj kul'tury v Tatarstane i v Krymu v 1923–1929 godah: v 3-kh tomah (MIRAS–NASLEDIE. Tatarstan and Crimea. The City of Bolgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and the Crimea in 1923–1929: in 3 volumes)* 1. Kazan: “Aster Plyus” Publ., 16–17 (in Russian).

Vinokurov, I. N. 2016. In Zin'ko, V. N., Zin'ko, E. A. (eds.). *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Issledovateli i issledovaniia. Bosporskie chteniya (Cimmerian Bosphorus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Researchers and Studies. Bosporan Readings) XVII. Simferopol: V.I. Vernadsky Crimean Federal University, 92–118 (in Russian).*

Danilov, E. S. 2019. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 176–182 DOI 10.31857/S086960630004123-4 (in Russian).

Zhanbossinova, A. S. 2023. In *Qazaq Historical Review*, 1 (3), 416-437. DOI 10.69567/3007-0236.2023.3.416.437

Kuzminykh, S. V., Belozerova, I. V. 2017. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 196–218 (in Russian).

Mammayev, M. M. 2023. In *Istoriia, arkheologiya i etnografiia Kavkaza (History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus)* Vol. 19, (3). 759–775 DOI 10.32653/CH193759-775 (in Russian).

Nepomnyashchy, A. A. 2019. In Shevelev, D. N. (ed.). *Tvorcheskaya laboratoriya istorika: gorizonty vozmozhnogo (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya B.G. Mogil'nitskogo) (Creative laboratory of the historian: horizons of the possible (to the 90th anniversary of the birth of B.G. Mogilnitsky))*. 1. Tomsk: Tomsk State University, 160–166. DOI 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/27 (in Russian).

Pyatysheva, N. V. 1963. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 316–317 (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2021. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 153–156. DOI 10.24852/2587-6112.2021.5.153.156 (in Russian).

About the Author:

Abdullin Khalim M. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences. Baturin St., 7A, Kazan, 420111, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Xalimabd@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.